

Н. Н. Кислицына
Симферополь, Россия

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию лексико-стилистических средств, наиболее часто применяемых при создании текстов, относящихся к жанру политического выступления. Работа выполнена в соответствии с методическими принципами лингвистической экспертизы текста и критической лингвистики. Отмечается, что исследование лингвистической специфики текстов выступлений политических лидеров (ТВПЛ) не может быть сведено исключительно к функционально-семантическому анализу отдельных языковых единиц, но требует привлечения знаний из области прагматики, теории речевых актов, речевого воздействия, стилистики, риторики, теории коммуникации и информации, принципов проведения пиар-кампаний. Подчеркивается особая значимость конвергирования в процедуру анализа текста знаний и методов когнитивной науки, так как ТВПЛ нацелены на коррекцию мировоззрения и мировоззрения адресатов, воздействие на сознание реципиентов. Материалом исследования послужили речи Б. Обамы, изданные в виде сборника, включающего все его основные выступления как до вступления в должность президента, так и заключительное выступление в качестве президента Соединенных Штатов перед собранием Объединенных Наций в 2016 году. В работе на репрезентативном материале показан алгоритм комплексного использования имплицитных и эксплицитных приемов языкового/речевого воздействия на адресата, утилитарно-прагматический характер которых позволяет автору определить их как инструментарий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; политические тексты; критическая лингвистика; коммуникативная манипуляция; когнитивные метафоры; политическая метафорология; языковая игра; языковая личность; образ государства; американские президенты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кислицына Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии Таврической академии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4; e-mail: nkislitsyn@rambler.ru.

Выступления политических лидеров стран, занимающих важное положение в мировом сообществе, привлекают внимание не только их сторонников или оппонентов, но и специалистов из различных областей знания, тех, на чью жизнь содержание этих речей может оказать прямое или косвенное воздействие. Среди наиболее «заинтересованных» и «вовлеченных» участников политической коммуникации, помимо собственно политиков, можно назвать военных, бизнесменов, людей, связанных с хозяйственно-экономической, культурной, образовательной сферами жизни государства.

Особый интерес тексты выступлений политических лидеров вызывают у лингвистов — теоретиков и практиков. Последние, как правило, входят в коллективы, которые готовят речь политического лидера к публичной презентации. Лингвистов-теоретиков больше занимают вопросы искусства использования языковых средств для достижения требуемого прагматического эффекта, так как «языковые формы и категории» играют активную роль в формировании, репрезентации и «структурировании сознания в целом» [Болдырев 2016: 37]. Настоящая работа посвящена исследованию лексико-стилистических средств, наиболее часто применяемых при создании текстов, относящихся к жанру политического выступления.

Использованное в заголовке слово *инструментарий* выбрано автором не случай-

It is the responsibility of intellectuals to speak the truth and to expose lies...

Noam Chomsky

но: метафорическое переосмысление основного значения данной лексемы («совокупность инструментов (орудий, преимущественно ручных, для производств каких-л. работ), употребляемых в какой-л. специальности» [СРЯ 1985: 670]) актуализирует фактор утилитарно-прагматического подхода к выполнению творческой работы, когда создание идеального, возвышенного, политически корректного, того, что в англосаксонской лингвистической традиции называется «sensitive information», или «sensitive texts» [Sims 1997: 10—26], превращается в поточное производство информационно-новостного продукта, так же как производится любой другой товар.

Выбор в качестве языкового материала выступлений известных политиков обусловлен критерием «значимости авторитета», когда оратором выступает личность, внушающая доверие и ассоциируемая с национальными ценностями и идеалами. Известно, что, как правило, выступающий с речью политик не является автором текста, однако он представляет интересы правящей партии или страны в целом, озвучивает приоритеты электората, выражает общие взгляды определенного социума, поэтому внимание уделяется не только каждому слову и фразе, но и логике подачи информации, структуре текста. Авторитет презентатора выступления оказывается важным фактором в потоке

пропаганды и оказания идеологического воздействия на сторонников и оппонентов. Язык как мощнейшее коммуникативное оружие политика всегда является идеологически маркированным: «language is never neutral, is always bound up with particular ways engaged in a politically and ideologically embedded activity» [McCarthy 2001: 131], поэтому одной из задач критического анализа текста является выявление языковых средств, используемых для оказания идеологического воздействия, или средств так называемой «коррекции» мировоззрения адресатов.

Важно отметить, что исследование лингвистической специфики текстов выступлений политических лидеров (ТВПЛ) не может быть сведено исключительно к функционально-семантическому анализу отдельных языковых единиц. Во-первых, такое исследование предполагает целостный анализ текста с учетом лексической и синтаксической семантики, прагматики, а также знаний в области теории речевых актов, речевого воздействия, стилистики и риторики. Замечательным образцом интерпретации текста в таком ракурсе может служить книга А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика», в которой автор представляет методы, используемые для анализа текстов СМИ, ставших предметом судебных разбирательств [Баранов 2009]. Во-вторых, необходимо привлечение данных теории коммуникации и информации, принципов проведения пиар-кампаний. В-третьих (по очередности, но не по значимости), в такое исследование следует конвергировать знания и методы из когнитивной науки, так как ТВПЛ нацелены на коррекцию мировоззрения и мировоззрения адресатов, воздействие на сознание реципиентов. В этом аспекте совершенно справедливыми представляются рассуждения В. З. Демьянкова о когнитивном статусе понимания как «интерпретативной деятельности», аксиологически и культурно обусловленной. При этом интерпретация текста «предстает перед нами как занятие, связанное с решением интеллектуальной задачи — с распознаванием значения, иногда глубоко спрятанного» [Демьянков 2016: 8].

Важным представляется также учет культурной составляющей, так как ТВПЛ часто нацелены не только на внутреннего «потребителя», но и на внешнего. В этом аспекте знание этноспецифических концептов, «культурогенных» феноменов, аксиологических констант является ключом для постижения «иной ментальности». В одноименной коллективной монографии высказывается созвучная мысль о том, что «Со-

поставительные лингвокультурные исследования по своей гуманитарной сущности представляют собой разновидность критической лингвистики, т. е. науки о языке, направленной на разоблачение предубеждений и построенных на предубеждениях коммуникативных манипуляций» [Иная ментальность 2005: 5], что сближает данный труд с лингвистической экспертизой текста. Таким образом, одним из принципов, которым руководствуется автор данной статьи, является принцип интердисциплинарности, без которого немыслима современная наука и который позволил преодолеть барьеры, существовавшие «between the humanities and social sciences» [Payne 2004: XI].

Исследования в области политической лингвистики и политического дискурса стали особенно значимыми в связи с глобализацией информационного пространства и результирующим воздействием ТВПЛ на жизнь народов, стран и целых континентов. В этом аспекте особо репрезентативным представляется анализ подборки выступлений Барака Обамы. Сборник включает все основные речи Обамы начиная с произнесенных до вступления в должность президента вплоть до заключительного выступления в качестве президента Соединенных Штатов Америки перед собранием Объединенных Наций (United Nations) в 2016 г.

Составители сборника особо отмечают способности Б. Обамы как оратора и его харизматичность как первого афроамериканца — президента Соединенных Штатов. По уровню, которого достиг риторический талант Обамы, последнего часто сравнивают с Ф. Рузвельтом, Дж. Ф. Кеннеди, Р. Рейганом и Б. Клинтон, умело манипулировавшими общественным мнением во время своего президентства.

Хотя взгляды этих политиков по отдельным вопросам кардинально различались (достаточно вспомнить, например, расовые предрассудки А. Линкольна), то общее, что их объединяло, можно выразить следующими клише, ассоциируемыми с Соединенными Штатами Америки: *land of freedom, land of opportunity, American Dream, perfection of America, democracy*. Интересно отметить, что факт претворения в жизнь этих идеалов и ценностей подвергается жесткому критическому анализу в книге Н. Хомского «Requiem for the American Dream», последовательно анализирующего имплементацию этих, по словам Б. Обамы, базовых принципов существования Америки [Chomsky 2017]. При этом в выступлениях Б. Обамы образы других стран умело моделируются в нужном направлении с помощью различных языко-

вых средств, часто с игнорированием или нарушением сложившейся англо-американской традиции написания текстов (*writing tradition*), требований к их композиции (*composition instructions*) и объективной подаче материала (*Anglo-American notions of objectivity writing*). В последний пункт входит все то, что специалисты в области написания и построения текста определяют как рациональная аргументация, объективность авторской позиции и точки зрения, приведение фактов и доказательств [Hinkel 2007: 106—107].

Рассмотрим, каким образом лексико-стилистический инструментарий используется авторами текстов выступлений для создания имиджа определенного государства.

Все содержание речей Б. Обамы свидетельствует об однозначной фокусировке на внутренних проблемах Америки и ее внешних интересах. Доминирующими темами являются превосходство американцев над другими нациями, Америка как пример для подражания для других стран, ценности (свобода, демократия, независимость), экономическое процветание Америки, религиозные и расовые предрассудки.

Что касается других стран, то в сборнике речей Б. Обамы, насчитывающем более 322 страниц, согласно Предметному указателю, подготовленному составителями, Россия упоминается пять раз. Отметим, что согласно этому же Предметному указателю отдельные европейские страны (такие как Германия, Франция, Италия, Польша и др.) не упоминаются ни разу; вместо них фигурирует собирательное понятие «Европейский союз» или «Европа». Помимо названных стран, упоминаются Иран, Ирак, Израиль, Индия, Кувейт, Северная Корея, Палестина и Сирия. Перечисленные страны упоминаются в речах Б. Обамы от одного (Индия) до двух-трех раз, Израиль упоминается четыре раза, а «рекордсменом» по частотности упоминания является Иран — десять раз. Соответственно во время президентства Б. Обамы согласно статистике, представленной авторами сборника его публичных выступлений, Россия является второй по значимости страной, на которую, с точки зрения Б. Обамы, должно распространяться влияние политики США.

Каким образом это влияние должно оказываться и в каком виде в речах Б. Обамы предстает Россия, можно судить по следующим цитатам.

*I will also renew the **tough, direct diplomacy** that can prevent Iran from obtaining nuclear weapons and **curb Russian aggression** [We are the change we seek 2017: 82].*

В данном фрагменте наблюдается комплекс приемов для создания специфическо-

го образа России. Так, учитывая, что Иран в публичных выступлениях Б. Обамы представлен чуть ли не как «вселенское зло» («Iran is against..., Iran is opposed to my country (US), Iran and North Korea flout the law, the Iranian leaders are afraid of the inspiration of their own people, Iranian nuclear issue» [Там же 2017: 132—133, 159, 161, 304]), помещение России в один контекст с Ираном соответствует приему, который называется «замазывание» [Баранов 2009: 179]. Адресат — американец, чья когнитивная система уже подготовлена, принимает новую информацию, которая хорошо согласуется с предыдущими знаниями. Данный прием можно отнести к имплицитным приемам воздействия, он подсознательно создает ассоциативный ряд с отрицательно окрашенными единицами.

Отрицательная коннотация в контексте усиливается и за счет эксплицитного использования языковых единиц: слово *агрессия*, толкуемое как «нападение одного государства на другое с целью захвата территории, уничтожения или ограничения его независимости и насильственного подчинения его населения захватчику» [СРЯ 1985: 24], однозначно создает отрицательную семантическую импликацию, которая закрепляется на синтаксическом уровне благодаря употреблению сочетания слов «*Russian aggression*».

Свои действия Б. Обама определяет как *curb*, т. е. он планирует сдержать агрессию и агрессора, а по отношению к Ирану проводить жесткую (*tough*) и прямолинейную (*direct*) политику. Использование метафоры открывает бесконечные просторы для понимания и прочтения мысли автора (подробнее о когнитивно-дискурсивной теории метафоры см.: [Коновалова, Зейферт 2018]). Сила метафоры заключается в ее поистине неограниченном семантическом потенциале. Слово *tough* может быть проинтерпретировано адресатами (а к ним относятся не только вольные или невольные слушатели, но и подчиненные, непосредственные исполнители воли президента) и как издание закона, ограничивающего, например, экономические возможности страны-оппонента, и как претворение в жизнь сценария, известного, например, в связи с событиями гражданской войны 2011 года в Ливии.

В следующем фрагменте Россия оказывается в ряду стран, обладающих значительным ядерным потенциалом, который президент Б. Обама пытается сократить. На этот раз используется синоним глагола *curb* — *reduce*:

*And I am working with President Medvedev to **reduce America's and Russia's nuclear stockpiles** [We are the change we seek 2017: 159].*

Регулярное повторение одной и той же информации определяется как прием концентрации, который приводит к «успешной онтологизации знания» [Баранов 2009: 223]:

At the same time, we'll engage Russia to seek further reductions in our nuclear arsenals, and continue leading the global effort to secure nuclear materials that could fall into the wrong hands — because our ability to influence others depends on our willingness to lead and meet our obligations [We are the change we seek 2017: 227].

Если попытаться представить Россию исходя из содержания речей Б. Обамы, то получается, что это страна-агрессор, обладающая большим ядерным арсеналом. Нет России культурной, научной, нет достижений в области спорта, медицины, космоса и других областей, в которых в не смоделированной Б. Обамой реальности Россия занимает одно из ведущих мест.

Создание намеренно выстроенного ассоциативного ряда с имплицитной отрицательной коннотацией вводит адресата в семантическое пространство намека, когда реципиент должен сам прийти к выводу, что протестовать против высмеивающих пророка Мухаммеда карикатур плохо, стремиться возродить утраченную славу — плохо, так же как пытаться ответить на вызовы, бросаемые ходом истории, или желать сохранить свою культуру и самобытность:

We see protests responding to Western newspaper cartoons that caricature the Prophet Muhammad. We see that Russia attempting to recover lost glory through force. Asian powers debate competing claims of history. And in Europe and the United State, you see people wrestle with concerns about immigration and changing demographics, and suggesting that somehow people who look different are corrupting the character of our countries [Там же 2017: 315].

Вводимый с показателем условности «*If*» в следующем предложении факт вмешательства в дела соседних государств делает предположение о вмешательстве почти аксиомой, которая не только тут же комментируется с показателем модальности «*may*»: «*it may be popular at home, it may fuel nationalist fervor for a time*», но и завершается фразой с явным дополнительным планом содержания: «*make its borders less secure*». Почему границы России станут менее безопасными? Аллюзия на события, происходящие в Южно-Китайском море, упоминаемые в качестве примера для подражания, подкрепляемая литотой «*the militarization of a few rocks and reefs*», представляет последствия разоружения, которое необходимо всем.

If Russia continues to interfere in the affairs of its neighbors, it may be popular at home, it may fuel nationalist fervor for a time, but overtime it is also going to diminish its stature and make its borders less secure. In the South China Sea, a peaceful resolution of disputes offered by law will mean for greater stability than the militarization of a few rocks and reefs [Там же 2017: 319].

Подобная агрессивная условная модальность стала не так давно объектом шуток со стороны российских журналистов-аналитиков, когда множество аргументов в пользу отравления химическим препаратом «Новичок», якобы созданным в России, вводилось фразами *highly likely* и *highly probably*.

Проанализированные фрагменты выступлений Б. Обамы представляют собой прекрасный пример языковой игры политика, которая предполагает формирование множественных смыслов, концентрированное повторение информации с отрицательной коннотацией, выстраивание искусственных ассоциативных рядов, нацеленных на «замыывание» объекта речи, вмешательство в его ментальное пространство — «*mental space*» [Fauconnier 1994]. Комплексный анализ ТВПЛ позволяет систематизировать знания об «использовании ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием» [Чудинов 2006: 5]. Изучение лексико-стилистического инструментария, используемого при создании ТВПЛ, способствует развитию навыков аналитического чтения, лучшему пониманию смысла сказанного и предупреждает коммуникативные манипуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. — М.: Флинта : Наука, 2009. 592 с.
2. Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. Личность. Язык. Сознание. — 2016. Вып. 24. С. 35—48.
3. Демьянков В. З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 5—9.
4. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Граборова. — М.: Гнозис, 2005. 352 с.
5. Коновалова Т. А., Зейферт А. Д. Метафора как когнитивно-дискурсивное средство репрезентации образа современной России в архитектурной картине мира // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 158—166.
6. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 А — Й / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985. 696 с.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта : Наука, 2006. 256 с.
8. Chomsky N. Language and politics / ed. by C. P. Otero. 2-nd ed., rev. and expended. — Oakland, Calif. : AK Pr., 2004. 802 p.
9. Chomsky N. Requiem for the American Dream: the 10 Principles off Concentration of Wealth and Power / ed. by Peter Hutchinson, Kelly Nyks and Jared P. Scott. — New York : Seven Stories Pr., 2017. 172 p.

10. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1994. 240 p.

11. Hinkel E. *Objectivity and Credibility in L1 and L2 Academic Writing // Culture in Second Language Teaching and Learning*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 90—108.

12. McCarthy M. *Issues in Applied Linguistics*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001. 175 p.

13. Payne M. *A Dictionary of Cultural and Critical Theory*. — Malden, MA : Blackwell Publishing, 2004. 644 p.

14. Sims K. *Translating Sensitive Texts: Linguistic Aspects*. — Amsterdam : Rodopi, 1997. 333 p.

15. *We are the Change we Seek. The Speeches of Barack Obama* / ed. by E. J. Dionne Jr. and Joy-Ann Reid. — London : Bloomsbury Publ., 2017. 339 p.

N. N. Kislitsyna
Simferopol, Russia

LEXICAL AND STYLISTIC TOOLS FOR MODELING THE IMAGE OF THE STATE

ABSTRACT. *The article studies lexical and stylistic means used to create texts related to the genre of political speech. The work was carried out in accordance with the methodological principles of linguistic expertise of a text and critical linguistics. It is noted that the study of the linguistic specificity of the texts of speeches of political leaders (TSPL) should not be reduced to the functional and semantic analysis of individual language units, but requires the involvement of knowledge from the field of pragmatics, the theory of speech acts, speech impact, style, rhetoric, communication and information theory, the principles of PR campaigns. The special importance of converging the knowledge and methods of cognitive science into the analysis procedure is emphasized, as TSPL are aimed at the correction of the addressees' worldviews, and the impact on the consciousness of the recipients. The material of the research is represented by the collection of B. Obama's major speeches. The paper shows the algorithm of integrated usage of implicit and explicit methods of language/speech influence on the addressee, the utilitarian and pragmatic nature of which allows the author to define them as tools.*

KEYWORDS: *linguistic expertise; political texts; critical linguistics; communicative manipulation; cognitive metaphors; political metaphorology; word play; language persona; image of the state; American presidents.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kislitsyna Nataliya Nikolayevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages № 1, Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika*. — M. : Flinta : Nauka, 2009. 592 s.

2. Boldyrev N. N. *Yazyk i struktura soznaniya // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Lichnost'. Yazyk. Soznanie*. — 2016. Vyp. 24. S. 35—48.

3. Dem'yankov V. Z. *O kognitsii, kul'ture i tsivilizatsii v transfere znaniy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016. № 4. S. 5—9.

4. *Inaya mental'nost' / V. I. Karasik, O. G. Prokhvacheva, Ya. V. Zubkova, E. V. Graborova*. — M. : Gnozis, 2005. 352 s.

5. Konovalova T. A., Zeyfert A. D. *Metafora kak kognitivno-diskursivnoe sredstvo reprezentatsii obraza sovremennoy Rossii v arkhitekturnoy kartine mira // Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 1 (67). S. 158—166.

6. *Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 1 A — Y / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; pod red. A. P. Evgen'evoy*. — M. : Russkiy yazyk, 1985. 696 s.

7. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika*. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.

8. Chomsky N. *Language and politics* / ed. by C. P. Otero. 2-nd ed., rev. and expanded. — Oakland, Calif. : AK Pr., 2004. 802 p.

9. Chomsky N. *Requiem for the American Dream: the 10 Principles of Concentration of Wealth and Power* / ed. by Peter Hutchinson, Kelly Nyks and Jared P. Scott. — New York : Seven Stories Pr., 2017. 172 p.

10. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1994. 240 p.

11. Hinkel E. *Objectivity and Credibility in L1 and L2 Academic Writing // Culture in Second Language Teaching and Learning*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2009. P. 90—108.

12. McCarthy M. *Issues in Applied Linguistics*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001. 175 p.

13. Payne M. *A Dictionary of Cultural and Critical Theory*. — Malden, MA : Blackwell Publishing, 2004. 644 p.

14. Sims K. *Translating Sensitive Texts: Linguistic Aspects*. — Amsterdam : Rodopi, 1997. 333 p.

15. *We are the Change we Seek. The Speeches of Barack Obama* / ed. by E. J. Dionne Jr. and Joy-Ann Reid. — London : Bloomsbury Publ., 2017. 339 p.